

ЛОКУС КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЫ В РАССКАЗАХ М. ЗОЩЕНКО

П. О. Щербакова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 августа 2014 г.

Аннотация: *статья посвящена роли локуса коммунальной квартиры в раскрытии особенностей сюжета и характера персонажей рассказов М. Зощенко. В работе прослеживаются связи между чертами быта советской эпохи и мировосприятием героев, авторского отношения к ним.*

Ключевые слова: *локус, хронотоп, автор, герой-рассказчик, сюжет.*

Abstract: *the article is devoted the role of the locus of communal apartment for the features of story and characters of the prose by Zoshchenko. This article contains the conclusions about connections with the features of Soviet era and the worldview of characters, the author's attitude.*

Key words: *locus, chronotope, the author, hero-narrator, story.*

Герои М. Зощенко, попадая в различные бытовые ситуации, действуют в рамках определенного городского локуса. Как отмечает М. В. Яуре, «по отношению к герою эти «места» являются функциональными полями, попадание в которые равнозначно включению в конфликтную ситуацию, свойственную locus'у» [1, 93]. В рассказах М. Зощенко место действия является не только частью хронотопа, но и знаковой системой с уже определенным сюжетом. Особый интерес представляет локус дома: именно эта пространственная координата имеет огромное множество смыслов и связей с культурой и эпохой, определяет физическое, социальное и духовное пространство героев.

После революции 1917 года в России каждому новому этапу в экономике («военный коммунизм», нэп, индустриализация и коллективизация) соответствовал свой образ дома и система отношений людей, строящих свой быт в нем. Важно отметить, что в предреволюционные годы система жилья отражала социальную стратификацию населения. Дом – важная характеристика личности, ее экономического положения и индивидуальности. Бездомный человек, маргинал «выпадал» из общественной жизни, относился к безликой массе, но, как известно из истории, именно он, который сначала «был никем», в скором времени «стал всем». Под этого «нового человека», точнее, под того, кто должен был стать строителем социализма и коммунизма, советская власть меняет устоявшееся представление о доме. Теперь «в основу норм жилища изначально был положен классовый принцип, идея которого сводилась к улучшению бытовых условий неимущих слоев населения посредством «квартирного передела» [2, 178].

Именно это явление государственного масштаба наложило свой отпечаток на внутреннюю повседневную жизнь человека. Как отмечает И. Кулакова в работе «История московского жилья», «жилье было теперь «ничейным», а к тому же еще дармовым – в январе 1921 года квартплата была отменена. Это весьма раскрепостило новых жильцов, вселившихся в бывшие «барские квартиры» благодаря «квартирному переделу». Изменение быта воспринималось болезненно» [3, 162]. В чем проявилась эта болезненность? Она выразилась в разрушении оппозиции бытовых и исторических событий. Революция и гражданская война, давшие начало классовому и жилищному переделу, стерли границу между внутренним и внешним «домом». О важности этого разделения говорит В. Д. Лелеко: «Дом вообще можно рассматривать как основное место, locus повседневного пространства. Семантика пространства дома двойственна, как двойственна природа семьи, для которой дом служит резиденцией. Семья и дом обращены внутрь, к внутрисемейным отношениям и вовне, к связям с общиной, обществом. Дом «...живет как бы на границе открытого и закрытого пространства». Дом живет на границе двух миров: мира частной, повседневной жизни и жизни общинной, общественной, государственной. Границу, отделяющую и одновременно соединяющую два мира, можно представить в виде «эшелонизированной» вглубь территории» [4, 65].

Дом как пространство новой жизни, а вовсе не смерти, которой свойственна категория бездомности, изображен М. Зощенко в рассказе «Матреница» (1926). Само начало произведения указывает на черты политики «военного коммунизма», точнее, на решение жилищного вопроса, ей присущего: «Которая беднота, может, и получила дворцы, а Иван Савичу дворца, между прочим, не досталось. Рылом не вы-

шел. И жил Иван Савич в прежней своей квартирке, на Большой Пушкинской улице» [5, 73]. Главный герой не получил нового жилья, хотя он ведь был «при такой профессии... – маляр и живописец» [5, 73], что достоин был стать участником «квартирного передела», так как, будучи обычным рабочим человеком, хотел относить себя уже к творческой интеллигенции. Как отмечает рассказчик, он к тому же «пребедно жил». Сюжет произведения составляет случай смертельной болезни Ивана Савича и его чудесного выздоровления, причем причиной последнего является воля жены главного героя Матренищи. Излечился от своего недуга маляр, так как «не дала ему Матренища помереть»: выгнала из дома с целью достать денег на похороны. Иван Савич превратился в попрошайку и после своего выздоровления остался им же, превратив это занятие в основной вид своей деятельности, в профессию: «И даже ежедневно вечером сидит себе здоровешенький на проспекте, на углу Гулярной улицы, и тихим голосом просит граждан об одолжении» [5, 74].

Примечательно, что рассказ называется именно «Матренища». Имя жены главного героя рождает в сознании читателя образ мученицы за христианскую веру Матроны Солунской. Ее имя стало обозначать сочувствие и сожаление все страждущим и нуждающимся в помощи и защите. Сюжетообразующая роль жены Ивана Савича в произведении М. Зощенко противопоставлена тому значению, на которое указывает ее имя. Важно отметить, что в рассказе героиня называется и Матренищей, и Мотей – такие номинации полностью нивелируют духовное значение имени супруги маляра. Почему смерти свойственна категория бездомности? Предположим, Иван Савич умирает в своей комнате коммунальной квартиры, но ведь тогда он не выполняет данного ему эпохой предназначения – стать «новым человеком». Герой не сменил своего жилищного помещения, а значит, и это «видит» Матренища, революция и ее результаты его не коснулись. Поэтому Иван Савич излечился, став маргиналом, так как именно «беднота» «дворцы» получает, на что читателю в первой же фразе произведения М. Зощенко указывает рассказчик. Только так маляр-живописец может снова принять участие в «квартирном переделе».

В этом произведении отражена попытка автора показать, как социальные и культурные изменения еще чужды обыкновенному человеку. Чтобы создать новое государство, наделить реальность новыми принципами, нужно уничтожить старое. «Действительно, в современной России нет лишних людей, их заменили лишены; патетика вишневых садов едва ли понятна поколению, видевшему всероссийскую земельную трагедию, совхозы и колхозы. Но исчез не только ущербный мир русской интеллигенции, рухнуло все нестройно-великолепное здание империи. На обломках наспех возник новый быт, не пом-

нящий родства, человекоподобный, убогий и заносчивый. Как претворить его в нечто высшее, облагородить, очистить?» [6, 19].

В центре самых масштабных изменений оказалась личность, точнее, сознание обыкновенного человека. Именно обыватель является субъектом новой истории. «Безусловное подчинение утилитарных, прагматических ее забот и ценностей ценностям мифологическим, религиозным, социально-статусным сменяется постепенным, частичным или полным освобождением повседневности от некоторых из них, переводом их в подчиненное по отношению к утилитарным положение. Особенности повседневных событий, характер повседневной деятельности, параметры повседневного времени и пространства зависят от того, кто является субъектом деятельности, участником событий, «героем» драмы повседневной жизни». [4, 116–117].

Как отмечают историки, перераспределение жилья в 20-е годы XX века имело пропагандистские цели – наделить представителей победившего класса площадью как знаком их действительного господства. Люди снова, как это было в домах Петербурга эпохи «униженных и оскорбленных» Ф. М. Достоевского, занимали не только комнаты и углы коммунальной квартиры, но и ванны, кухни, прихожие – те помещения, которые были общими. Коммуналка оказывалась местом скопления людей, неизвестно по какому принципу вынужденных проживать вместе. Как отмечает Н. Б. Лебина, это была «своеобразная зона социального напряжения, где в обязательном порядке должны действовать некие нормы совместного существования: гласные, юридически закрепленные, и негласные, существующие в сфере дискурсов. Ментальность жителя коммунальной квартиры – большой кирпич в фундаменте, на котором сложился монументальный тип “человека советского”» [2, 183–184]. Определенный сюжет таких отношений между людьми в локусе дома в эпоху нэпа создается в рассказах «Нервные люди» (1924) и «Мерси» (1929).

В первом выбранном нами для анализа произведении описывается случай драки в одной коммуналке «на углу Глазовой и Боровой» [5, 56]. Указание на типичность бытового конфликта, из-за которого начался «целый бой», содержит такая важная художественная деталь, как примус. Он символизирует собой индивидуализм нэпа: каждый жилец хотел иметь свой «очаг», в результате чего нарушал идею общего быта советских граждан. Именно примус стал причиной пожара в «Вороньей слободке» из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». В рассказе же «Нервные люди» он стал причиной вспыльчивости и горячности жильцов коммунальной квартиры.

Большое значение имеет образ инвалида Гаврилова, которому представляется, что драка ведется еще во времена гражданской войны. На это указы-

вают штампы рассказчика, используемые при описании героя и его действий («от этой идеологии башка поскорее не зарастет», «сейчас всю амбицию в кровь разбили» [5, 56–57]), а также фраза в начале произведения («Оно, конечно, после гражданской войны нервы, говорят, у народа завсегда расшатываются» [5, 56]). Именно инвалид дает сигнал к драке, произнося устойчивое в народной речи выражение, которое употребляется, как правило, для передачи переносного значения. В развязке рассказчик тоже обращается к фразеологизму («прописал ижицу»), который используется очевидцем событий для описания всего происходящего до прихода милиции (наступления наказания, как указывает устойчивое выражение), являющейся образом власти, однако с ее появлением сказ насыщается литературными штампами («роковых слов», «мильтон», «Запасайтесь, дьяволы, гробами...»).

Обыкновенный бытовой конфликт на кухне превращается в пересказе героя М. Зощенко в столкновение власти и народа, в революционную борьбу, за которую инвалид Гаврилыч готов потерять еще одну ногу и «проливает кровь». Рассказчик сочувствует этому герою, который боролся за новое жизненное пространство, за Свободу, Равенство и Братство, а взамен получил комнату в коммуналке, где не соблюдаются законы «новой» жизни, а каждый человек в ней – индивидуалист, единоличник (на это указывает описание множества примусов-символов таких людей, от которых на кухне «драться неспособно»). Поэтому литературные штампы, номинация милиционера именем английского поэта Джона Мильтона, участника революционных событий в Великобритании, должны придать всему описанному событию героико-трагический пафос историй о гражданской войне и борьбе за справедливость. Жильцы коммуналки страдают от «нервов», которые «расшатываются» во время «военного коммунизма», но не заживают в эпоху нэпа. Дом становится площадкой новой классовой борьбы, а вовсе не местом для строительства новой жизни, нового быта, на базе которого должно сформироваться мировоззрение свободного человека, победившего в революции пролетариата, на чьей диктатуре держится власть в стране. Однако «нервные люди» – это «униженные и оскорбленные», наказываемые в конце произведения такими же «нервными», и в этой оговорке рассказчика есть указание на то, что они тоже лишены пространства дома в онтологическом смысле.

Как отмечает Г. Белая, «так в рассказах Зощенко появилась первая тревога: «не в парниках приготовленные люди» оказывались людьми с неразвитым общественным сознанием, с неразвитым чувством личности. Поведение героев Зощенко имело опасную скрытую потенцию: герои оказываются способны к общению и активности, но на уровне понятной им идеи: они пассивны, если «что к чему и кого бить не

показано», но когда «показано» – они не останавливаются ни перед чем, и их разрушительный потенциал – неистощим» (Белая Г. Экзистенциальная проблематика творчества М. Зощенко // Литературное обозрение. 1995, № 1, 7). Герои рассказа «Нервные люди» становятся участниками конфликта, потому что в новом для них пространстве дома оказались стертыми границы между тем, что общественное (коммунальное), а что – личное. Примус – вещь, которая имеет важное бытовое значение для каждого жильца. Она сохраняет отпечаток постоянства, устойчивости в столь переменчивой действительности. «Поначалу героям кажется, что устойчивость им могут придать вещи... Но вещи для Зощенко полны иного смысла: их неподвижность, неизменная устойчивость, строгая прикрепленность к раз и навсегда установленным местам, их убогая прочность символизируют косную неподвижность среды. Перемещение вещи кажется нарушением традиционных основ...» [7, 10]. Кто пытается нарушить порядок повседневного образа жизни в произведении? Классовый враг, по мнению жильцов, в особенности инвалида Гаврилова.

В рассказе «Мерси» говорится уже об «уничтожении квартирного института» [5, 92]. Главному герою рабочему Захарову становится невыносимо жить в коммунальной квартире вместе с «творческой интеллигенцией». Кольцевая композиция произведения метафорически раскрывает значение жизни человека в круговороте событий в его доме.

Однако снова за бытовой ситуацией скрывается вовсе не онтологический, а революционный сюжет классовой борьбы. Герой, получивший комнату в коммуналке за то, что он представитель победившего в гражданской войне пролетариата, не может «ужиться» со своими соседями: «Одним словом, куда ни плюнь – интеллигенты! И ихняя жизнь не такая подходящая, как, конечно, хотелось бы» [5, 92]. Угнетенным, «униженным и оскорбленным» снова оказывается тот, кто должен во «дворцах» жить.

Бытовые перипетии Захарова противоречат тому, о чем говорит рассказчик в самом начале своего повествования: «В этом году очень многие пролетарии квартирки и комнатки заимели путем вселения. Вот это хорошо!» [5, 92]. В отличие от рассказа «Нервные люди», в «Мерси» трагедия отдельного человека приобретает уже государственный масштаб: «И, конечно, от всего этого работа страдает: ситчик, сами видите, другой раз какой редкий и неинтересный бывает» [5, 92]. Примечательно, что Захаров, как говорит рассказчик, вначале был «нервным», а после некоторого времени проживания в «заслуженной» им комнате в коммуналке страдает уже от «невроза сердца». Таким образом, острота жилищного конфликта совместного проживания людей в одном доме возрастает в данном рассказе.

Смысл названия «Мерси» раскрывается при помощи плеоназма, который допускает в своей речи рассказчик, – «спасибо и мерси». Выражение благодарности на французский манер содержит вовсе не иронию, не желание выдать себя за человека более образованного и знающего иностранные языки – это своеобразное обращение к классу интеллигенции, который должен жить отдельно от пролетариата: «Вот я и говорю: ученых секретарей надо к ученым секретарям, зубных врачей к зубным врачам и так далее. А которые на флейте свистят, тех можно за городом поселить» [5, 93]. Эту мысль рассказчик выражает в тексте произведения неоднократно. Однако следует обратить внимание на то, что вначале герой М. Зощенко говорит о том, что «нэпманы за город выехали во избежание разных крупных недоразумений и под влиянием декрета» [5, 92].

Классовая борьба в пространстве коммунальной квартиры усиливается, рассказчик в «Мерси» из сочувствия рабочему текстильной промышленности при помощи кольцевой композиции своего повествования приходит к выводу, что «не-пролетарии» должны жить изолированно, их необходимо лишить жилплощади, как и нэпманов, «во избежание» конфликта и «под влиянием декрета».

Описывая советский быт, историки И. Кулакова и И. Утехин тоже приравнивают жизнь в новых условиях к борьбе за постоянство быта: «Семиотика публичного и частного пространства жилища, отношения соседей и специфические формы психопатологии, представления о гигиене и о справедливости распределения обязанностей и благ – все это становится предметом исследования, область которого возможно определить как «антропология повседневности». И. Утехин специально занимается историей «борьбы коллективного бытования с изначально не предназначенной для этой цели средой. В этой борьбе поначалу было тяжело всем: каково пролетарию проживать в барской квартире с видом на Петропавловскую крепость, встречаясь на кухне с бывшим хозяином и затрудняясь в использовании, например, биде, притом что половина зарплаты уходила на транспорт... Коммунальная квартира, как всякое жилище, представляет собой фон, на котором разворачивается повседневная деятельность людей» [3, 167].

Сюжет «социального напряжения» в локусе дома заставляет меняться героя М. Зощенко. Выйдя из «Шинели» Гоголя и из скромных квартир и углов Петербурга «униженных и оскорбленных» Достоевского, он становится «героем массы», желающим через получение жилплощади, через улучшение своего личного благосостояния ощутить результаты революции и гражданской войны в России. Пытаются решить квартирный вопрос герои «Матренищи» во время политики «военного коммунизма», когда все «бездомные» получали «дворцы».

«Нервные люди» из одноименного рассказа и «Мерси» в период нэпа стараются утвердить диктатуру пролетариата в классовой борьбе уже в новом суженном пространстве коммуналки, а не на «колчакских фронтах». Однако локус коммунальной квартиры, заменившей дом, в данных произведениях связан лишь с трагическим по отношению к герою и сочувствующему ему рассказчику сюжетом. Но таким же ли сочувствующим взглядом оценивает автор своих героев? Речевая маска М. Зощенко не позволяет увидеть его согласие с рассказчиком. Быт – это то, что держит человека в закостенелых рамках. «Поразивший Зощенко с первых же шагов его творчества разрыв между масштабом революционных событий и консерватизмом человеческой психики делал писателя особенно внимательным к той сфере жизни, где деформируются высокие идеи и эпохальные события. Так инертность человеческой природы стала основным объектом художественного познания Зощенко. <...> Однако в магнетической прикованности Зощенко к быту были и иные мотивы. Нельзя было не обратить внимания на то, что Зощенко, до тонкости знавший быт, не был бытописателем; та плотная фактура быта, которую мы находим в его произведениях, интересовала Зощенко как система жизни, где деформируется высокая истина, где революция встречала наибольшее сопротивление инерции» [7, 8].

В рассказах «Матренища», «Нервные люди» и «Мерси» локус коммунальной квартиры не равнозначен пространству дома, так как сохраняет отпечаток лишь внешней жизни человека, а не внутренней. Ни в одном из этих произведений не встречаются слова «дом», «семейный круг», а преобладают штампы нового времени о революционной и классовой борьбе, о нэпе, о политике. Только в названиях, которые отражают точку зрения автора, есть указание на внутреннюю жизнь человека, но рассказчик «выворачивает» ее, потому что он «лишнеец», потерявший ценности ушедшей эпохи и цепляющийся за быт, его вещественность с целью обретения новых жизненных устоев.

«На самом деле, читателю, пережившему революцию, писатель рассказывает об инертности общественного бытия, о консерватизме нравственной жизни и о той высокой духовной ответственности, которая требуется от человека, призванного преодолеть косность и инерцию» [7, 13], – такой итог подводит Г. Белая анализу авторского отношения М. Зощенко к своим героям. Локус коммунальной квартиры становится не только частью хронотопа, символом советского послереволюционного жилья, но и сюжетобразующим звеном произведения, знаком человеческих взаимоотношений «бедноты», достойной жить во «дворцах». Как отмечает в исследовании творчества М. Зощенко Л. Х. Скэттон, «герои рассказов ограничивают свои усилия борь-

бой с чисто материальными проблемами, порожденными непосредственно окружающей их средой. При этом они часто терпят поражение, потому что, как явствует из их портретов, они не способны переосмыслить свою жизнь конструктивно» [8, 16]. Именно поэтому герою-маляру из «Матренищи» никогда не стать представителем творческой интеллигенции, его удел – маргинальность, которую внесла в жизнь революция и гражданская война в России; труженик текстильной промышленности из «Мерси» и инвалид Гаврилыч из «Нервных людей» все еще погружены в классовую борьбу за приобретение все тех же материальных ценностей, а вовсе не духовных.

Локуса дома в рассказах М. Зощенко нет – его заменило знаковое пространство коммунальной квартиры. Герои, попадая в него, теряют человеческое, вечное, приобретая лишь черты времени. Нельзя не согласиться с Н. Поповой и с ключевыми мыслями ее статьи «Эффект отстраненности и сострадания. Сатирическая новеллистика М. Зощенко», в особенности с предположением о том, что персонажи произведений автора «воспринимаются не только как носители социального и нравственного уродства, но одновременно как жертвы каких-то сложных исторических обстоятельств, которые оказываются сильнее их. Определенные тенденции реальной жизни как бы перевели их из одного качества в другое; из «маленьких людей», достойных всяческого сочувствия, превратили в мелких людшек, способных вызвать презрительную усмешку»

[9, p22]. Поэтому бытовое пространство, имеющее отпечатки эпохи, так важно для анализа жизни человека, держащегося за него: оно определяет его жизнь, идеалы, мировоззрение, отношение к другим людям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яуре М. В. Проблема городских локусов в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» / М. В. Яуре // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Литературоведение. Фольклористика». – М., 2012. – № 18.
2. Лебина Н. Б. Прямое нормирование повседневности. Дом // Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города. – М., 1999.
3. Кулакова И. П. История московского жилья / И. П. Кулакова. – М., 2006.
4. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. – СПб., 2002.
5. Зощенко М. Избранное / М. Зощенко. – Л., 1984.
6. Голенищева-Кутузова И. Н. Ирония и Зощенко / И. Н. Голенищева-Кутузова // Русская словесность. М., 1995. – № 3.
7. Белая Г. Экзистенциальная проблематика творчества М. Зощенко / Г. Белая // Литературное обозрение. – М., 1995. – № 1.
8. Скэттон Л. Х. Не до смеха. Проблема творческой эволюции Михаила Зощенко / Л. Х. Скэттон // Литературное обозрение. – М., 1995. – № 1.
9. Попова Н. Эффект отстраненности и сострадания. Сатирическая новеллистика М. Зощенко / Н. Попова // Литературное обозрение. – М., 1995. – № 1.

*Воронежский государственный университет
Щербакова П. О., аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков
E-mail: polynessa@mail.com*

*Voronezh State University
Shcherbakova P. O., Post-graduate Student of the Russian Literature of XX and XXI Centuries Department
E-mail: polynessa@mail.com*